

## О НАШЕМ ИСТОРИ- ЧЕСКОМ ЗАВТРА

Развитие русских судеб, пойдет, как мне представляется, по трем этапам.

Первый, наиболее короткий, — это догнивание нынешнего строя. Сегодняшний день России в высшей степени напоминает эпоху террора французской революции, ее 1793 год. У власти — “центр” коммунистической партии, олицетворяемый Сталиным, этим Робеспьером наших дней и его ближайшими друзьями. Сталинский “центр” безжалостно расправляется с “левыми” (Троцкий, Мясников, Сапронов, Смирнов и др.) и с “правыми” (Бухарин, Рыков, Томский) и опирается на “болото”.

Друзей и единомышленников у Сталина немного. Остальные идут по течению, приспособляются, чтобы не попасть в опалу, в тюрьму, под расстрел. Все они Сталина и его кучку ненавидят, но всякая возможность действия против него парализуется страхом. На страхе держится сталинский режим, как и режим Робеспьера. Но может настать момент, когда страх перед Сталиным будет пересилен страхом иного порядка. Люди рано или поздно придут к выводу, что как ни приспособляйся, а топор террора висит над шеей. И тогда неизбежно будет стремление не к дальнейшей поддержке этого топора, а к его устранению. Лучше раз рискнуть, чем жить под вечной угрозой.

Результат — заговор верхушки, дворцовый переворот.

Принесет ли он облегчение России? На первых порах вряд ли. Ибо на первых порах неизбежно, очевидно, сплочение и правых и левых — и возможна временная уступка левым. Уступка не только в области фразеологии, но и в реальной политике. Будет сделана попытка опереться целиком на рабочий класс

Будут приняты меры к поднятию материального положения рабочих в первую очередь. Но так как политика сверхиндустриализации будет продолжаться, так как ресурсов будет все меньше и меньше, а выколачивать их придется все из прежнего источника — из крестьянства, — то отношения с крестьянством еще более ухудшатся, нужда в городах и деревнях станет еще больше, — и это приведет к полной ликвидации левых, к новой вспышке направленного против них террора, к утверждению у власти правых групп коммунистической партии. Сдвиг направо будет сделан больший, чем в период расцвета нэпа. Но страна тем не менее удовлетворена не будет. Материальные трудности так быстро не будут преодолены, все классы населения, изверившегося и изголодавшегося, предъявят коммунистической власти свои векселя, — и потребуют полного отказа от коммунизма. “Правые” на это пойти не решатся, да и не сумеют. Возможно, что для “успокоения внутри”, для того, чтобы вызвать новый подъем жертвенного энтузиазма у населения, с одной стороны, — для того, чтобы оправдать “объективными условиями” свое бессилие, с другой, они пойдут на военную авантюру. В результате ли войны — тогда быстрее, — в результате ли внутренней логики вещей, власть “правых” будет свергнута и на ее место будет поставлена национально-революционная диктатура. Это будет второй этап нашего развития.

Я допускаю и ту возможность, что и Сталину удастся продержаться до момента утверждения национально - революционного правительства, что сдвиг направо будет сделан им, а не кем либо другим. По всем данным Сталин такой поворот подготавливает. Он более реальный политик, чем кто либо иной в его окружении. Настроения страны он ощущает. Из “левизны” он сознательно сейчас выгораживает себя. “Левые загибы” в деревне — это не он, а Молотов, да разные местные “головотяпы”. Травля и расправы с интеллигенцией — это опять же не он, а его окружение, скажем, Каганович. Показательна, наконец, отставка Предсовнаркома РСФСР Сырцова. Возможно, что принеся в жертву одного - двух своих “столпов”, Сталин (если сваливаемым “столпам” не удастся свалить его самого), сможет перенести на них всю остроту народного гнева, самому же в конечном итоге на время оказаться умиротворителем и благодетелем

страны, повернув резко направо. Возможности такого поворота, повторяю, носятся в воздухе. И если он будет, то сталинскому режиму будет сохранено еще несколько лет жизни. Но это не застрахует его от окончательного падения. Повернуть резко на путь полного отказа от коммунизма — и на путь национально - революционной политики, — этого Сталин, при всей его гибкости, не сможет, думаю, сделать. Следовательно, и при возможности небольшой передышки, его строй обречен.

От установления национально - революционной диктатуры больших потрясений не произойдет. Наоборот — именно она устранил возможность серьезных потрясений. Сопротивление ее утверждению будет оказано самое незначительное. Не надо забывать, что как и страна, так и партия коммунистическая в большинстве ее активных слоев уже сейчас антикоммунистична. Ко времени переворота только небольшая кучка фанатиков идей коммунизма окажет попытку сопротивления. Но это будет жалкая попытка — тем более, что большая часть преданных идеям коммунизма людей будет истреблена в период владычества “правых”. Коммунистическая партия распустится сама собой, как соль в воде. Кучки уйдут в подполье, будут уничтожаться населением, в части придут с покаянием.

У власти станут люди реальной политики, выходцы из прежней коммунистической партии и безпартийные, — все наиболее крепкое и сильное в стране. Политические партии вряд ли будут вначале играть какую бы то ни было роль. Значение будут иметь люди дела, стоящие вне партий, служащие общенациональным интересам.

По форме это будет диктатура. По существу это будет либеральный строй, задачей которого будет обеспечить населению измученной долгими годами террора страны экономическую и правовую свободу.

Свобода лица — вот что потребует население в первую очередь. Дайте мне возможность делать, что я хочу: торговать, обрабатывать землю, служить или не служить; дайте мне возможность целиком пользоваться плодами моего труда и быть уверенным, что их никто у меня не отымет. Дайте мне возможность жить, где я хочу и как я хочу, свободно передвигаться, как внутри страны, так и вне ее, писать, думать, читать, иметь

неприкосновенное жилище, отвечать за свои преступления только перед гласным судом. Вот чего потребует население в первую очередь. И если власть сможет это все ему обеспечить — страна поддержит ее во всех ее политических начинаниях и даст ей самые широкие полномочия.

Политические начинания этой власти будут иметь основными задачами: укрепление порядка внутри страны, создание прочного не - коммунистического законодательства, но вытекающего из идей национальной революции; охранение единства страны, ограждение неприкосновенности ее территории.

Да, это будет диктатура. Одного или нескольких лиц? — Вопрос праздный. Формально может быть и несколько лиц (консулы во Франции), фактически это всегда будет один. Значит Цезарь? По силе власти, да, Цезарь. Но по устремлениям своим — Вашингтон. Ибо исторической задачей этого человека будет, опираясь на лучшие силы страны, завершить революцию, закрепить все то, что принесла она с собой нового и полезного для народа, отбросив все наносное и противоречащее интересам нации. Как Наполеон, по признанию Маркса, был одним из героев революции и продолжателем ее дела, так и этот диктатор не угасившей еще своего революционного духа России должен будет служить принципам национальной революции. Но Наполеон, говорят, использовал власть, вложенную в его руки потребностями народа, главным образом, в личных своих интересах. Это не совсем так. Ибо то личное, что получил Наполеон от своего властвования, ничто в сравнении с тем, что он дал. Но нам, конечно, было бы желательнее, чтобы человек, который станет во главе революции на этапе ее завершения, оказался менее своекорыстным, чем Наполеон, чтобы он понимал свою роль, как Вашингтон. Вот почему, когда меня спрашивают: Цезарь или Вашингтон, я говорю — конечно, Вашингтон.

Да. Мне говорят: что за бонапартизм без Бонапарта, цезаризм без Цезаря. Что ж из того! Всегда является раньше потребность, а потом к ней подбираются люди, а не наоборот. Так было и с Наполеоном. И еще: многие ли знали Наполеона в 93 году? — Нет. Его роли, как будущего завершителя французской революции, в 93 году не мог предвидеть ни один, самый гениальный человек. Но идея бонапартизма уже была. В значитель-

ной мере ее предвосхищал и Робеспьер, как теперь предвосхищает Сталин.

Режим национально - революционной диктатуры будет длиться, как мне думается, не меньше двух десятилетий. В меньший срок не осуществить задач, поставленных перед этим режимом революцией, принимая во внимание масштаб эпохи и масс, приведенных в движение. Замедлять движение будет и сложность международной обстановки. Запад, по моему глубокому убеждению, будет переживать те же процессы, что переживала Россия, только менее болезненно и более медленно. Революционизирующей силой на Западе будут не только массы, но и концентрированный капитал и все увеличивающаяся мощь рабочей верхушки.

Как только минует историческая потребность в либеральной диктатуре — исчезнет и она, не говоря уже о том, что с каждым годом она сама будет эволюционировать в направлении все большего либерализма. Это будет неизбежно с ростом и консолидацией сил новой общественности. Важно заметить: не в силу военного поражения сошел со сцены Наполеон. Но военное поражение понес он и не смог от него оправиться потому, что его историческая роль была сыграна и он не мог уже ничего нового народу дать. Мир подошел к необходимости утверждения форм **новой демократии**, а это должны и могли сделать лишь другие люди.

Утверждение форм “новой демократии”, более широкой, более полно отвечающей потребностям больших масс населения, чем нынешняя, — вот третий и окончательный этап в развитии нашем в предстоящем периоде.

Россия, думается мне, будет играть громадную роль в международных отношениях наступающего исторического цикла. И потому, что она, раньше других стран начав революционное преобразование, — раньше его закончит. И потому, что она будет давить своей экономической мощью. И потому, что она понесет в мир идею новой социальной правды.

**С. Дмитриевский.**

Стокгольм.